

1 УСАДЬБА ХУДОЖНИКА ВАСИЛИЯ ПОЛЕНОВА В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ, СЕЙЧАС ПРЕВРАЩЕНА В МУЗЕЙ. 2 «УТОМАЕННЫЕ СОЛНЦЕМ». СНИМАЛИСЬ НЕ В МОСКВЕ, А ПОД ГОРОДКОМ КТОВО НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ, НА ДАЧЕ, КОТОРАЯ НАХОДИТСЯ В МЕСТЕЧКЕ ЗЕЛЕНЬ ГОРОД И ПРИНАДЛЕЖИТ ЭКС-МЭРУ НИЖНЕГО НОВГОРОДА ДМИТРИЮ БЕДНЯКОВУ. 3 ИЛЬЯ РЕПИН ГОВОРИЛ ПРО АБРАМЦЕВО, ЧТО ЭТО «ЛУЧШАЯ В МИРЕ ДАЧА». МАМОНТОВ СУМЕЛ ПРЕВРАТИТЬ ДОМ, КОТОРЫЙ ПОМНИЛ ЕЩЕ ГОГОЛЯ, В ДОМ ТВОРЧЕСТВА, КУДА С УДОВОЛЬСТВИЕМ СЪЕЗЖАЛИСЬ ЛУЧШИЕ ИЗ ЛУЧШИХ.

«ДОМ БЫЛ ПРОСТОРНЫЙ, ДВУХЭТАЖНЫЙ, НО ЕГО СЕЙЧАС ЖЕ ПРИШЛОСЬ ЧИНИТЬ, ТАК КАК КРЫША БЫЛА ТЕСОВАЯ И В ДОЖДЬ ТЕКЛА, КАК РЕШЕТО... ЭТО БЫЛА ДАЧА, НО ДОВОЛЬНО БОЛЬШАЯ — ДЕСЯТЬ ДЕСЯТИН. ПРИ ДАЧЕ БЫЛ ЕЩЕ ЛИПОВЫЙ ПАРК С ТРЕМЯ ОГРОМНЫМИ ЕЛЯМИ».
ВЛАДИМИР ЗЕРНОВ

РИА Новости / Ярин, Дмитрий Коробейников; Russian Look / Alexander Shegulkh; ИТАР-ТАСС / Сергей Иванов-Аллиуев и Александр Лесс; Архив пресслужбы

АРХИТЕКТУРА ДАЧИ.

УСКОЛЬЗАЮЩИЙ

ФЕНОМЕН

ТЕКСТ: НИКОЛАЙ МАЛИНИН

1 Музей-усадьба писателя Сергея Аксакова в Абрамцево, Сергиево-Посадский район.

PHOTO: ИТАР-ТАСС / Сергей Иванов-Аллылуев

«ДАЧА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА ОЧЕНЬ ВЫРАЖАЛА НОВЫЙ ЕГО КУРС; И ШЛА, И НЕ ШЛА К НЕМУ. КОГДА ВПЕРВЫЕ ПОДЪЕЗЖАЛ К НЕЙ ЛЕТОМ, ОНА НАПОМНИЛА МНЕ ФАБРИКУ: ТРУБЫ, КРЫШИ ОГРОМНЫЕ, НЕСУРАЗНАЯ ГРОМОЗДКОСТЬ».

С лово «дача», как известно, на иностранных языки не переводится. Так и пишут: dacha. Но что означает эта непереводаемость? Что дача — такой же национальный феномен, как matryoshka, samovar, vodka. Конечно, водке можно найти аналоги. Но иностранцу сложно осознать, что на самом деле значит vodka для русского человека, — как и dacha. А и то и другое слово в некотором смысле — синонимы слова «свобода». Чего, конечно, нет ни в одном переводе: Wochenendhaus, country house, summer house, cottage, maison de champagne, casa de campo. Да, все эти смыслы есть в слове «дача»: дом за городом, дом на лето, на выходные, маленький дом, второй дом. Но как «поэт в России больше, чем поэт», так и дача — куда больше, чем «загородный дом». И именно поэтому она так трудноопределима — по крайней мере по формальным признакам, с точки зрения архитектуры.

БЫТЬ ИЛИ КАЗАТЬСЯ?

Одной из самых ярких дач (да еще построенных в эпоху их расцвета — в 1908 году) можно было бы считать дом писателя Леонида Андреева в Райволе на Карельском перешейке. «Дом, построенный по рисункам отца, был тяжел, великолепен и красив, — вспоминал сын писателя. — Большая четырехугольная башня возвышалась на семь саженей над землею. Огромные, многоскатные черепичные крыши, гигантские белые четырехугольные трубы — каждая труба величиной с небольшой домик, геометрический узор бревен и толстой дранки — все в целом было действительно величественным». Казалось бы, большому писателю — большая дача. «Эта дача очень выражала новый его курс; и шла, и не шла к нему, — пронизает писатель Борис Зайцев. — Когда впервые подъезжал

я к ней летом, вечером, она напомнила мне фабрику: трубы, крыши огромные, несуразная громоздкость». Зайцев остро чувствует эту неестественность. «Жилище его говорило о нецельности, о том, что стиль все-таки не найден. К стилю не шла матушка из Орла, Настасья Николаевна, с московско-орловским говором; не шли вечные самовары, кипевшие с утра до вечера, чуть не всю ночь; запах шей, бесконечные папиросы, мягкая развалистая походка хозяина, добрый взгляд его глаз».

То есть Андреев строит не дом, но образ. Который очень ему идет — человеку во всем избыточному, чрезмерному, пафосному. Но жить в нем трудно (как трудно сегодня читать Андреева). «Кирпичи тяжелого камина так надавили на тысячепудовые балки, что потолок обвалился, и в столовой нельзя было обедать, — вспоминал Корней Чуковский. — Гигантская водопроводная машина, доставлявшая воду из Черной речки, испортилась, кажется, в первый же месяц и торчала, как заржавленный скелет».

Получается, что дом, который можно было бы назвать самой интересной дачей с точки зрения архитектуры, оказывается совсем не «дачей». Он слишком велик, дорог, вычурен и неудобен. Но что же мешает нам оставить его за скобками этой темы? Говоря о нем, Зайцев очень точно перечисляет все главные приметы дачной жизни: самовар, круглосуточное чаепитие, простая еда, курение, разговоры, общая атмосфера мягкости и расслабленности. Именно этот набор определит «дачный стиль» и будет кочевать по «дачной» литературе в течение всего последующего века. Будут сминаться цари и дворцы, но это останется неизменным: самовар, сумерки, разговоры. Терраса, веранда, вишня. Россия, лето, Лорелея.

Возникает подозрение, что понятия «дачный стиль» и «архитектура дачи» вообще связаны

слабо. Более того, у дачи как у архитектурного жанра почти нет вычтенных признаков. И определить ее можно лишь от противного.

НЕ УСАДЬБА

«Ипостась русской усадьбы во второй половине XIX века стала дача», — пишет главный знаток темы историк Мария Нащокина. Основное их различие — экономическое. Усадьба кормила своего хозяина, дача же была местом отдыха. Соответственно, изменяются количественные параметры: дача не требовала ни той территории, которую имела усадьба, ни того штата. А значит, меняются и размеры жилища, оно может быть сколь угодно маленьким. В этой ситуации оказывается избыточной и архитектура: колонны и портики уходят в прошлое.

Само прошлое при этом тоже становится проблематичным. «Только, конечно, нужно поубрать, почистить, — говорит идеолог дачного строительства Ермолай Лопухин, — снести все старые постройки, вот этот дом, который уже никуда не годится, вырубить старый вишневый сад». Понятно, что у Лопухина была причина все это не любить: «Я купил имение, где дед и отец были рабами, где их не пускали даже в кухню». И будущее он видит не только капиталистически, но и коммунистически: «Настроим мы дач, и наши внуки и правнуки увидят тут новую жизнь».

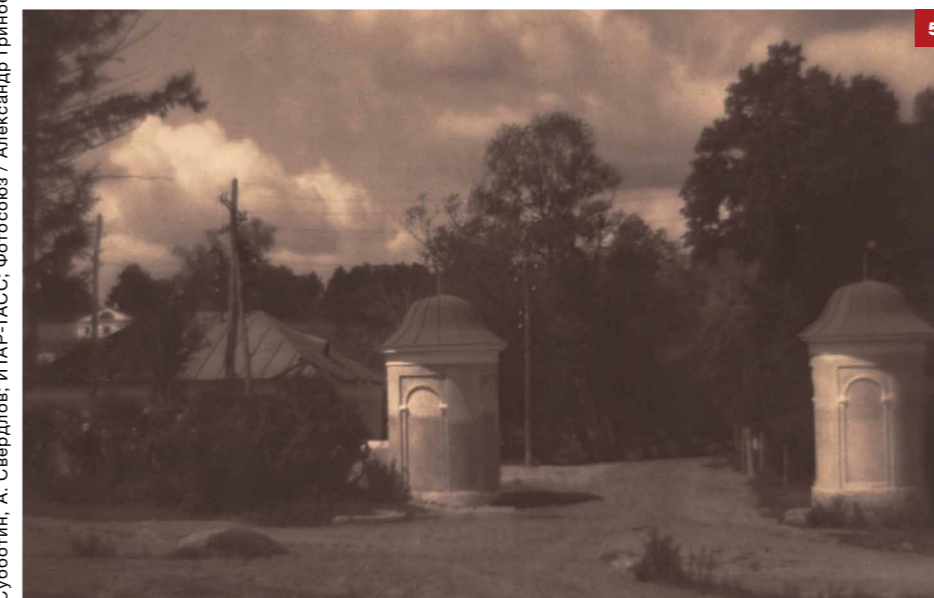
А вот у Саввы Мамонтова такого невроза не было, и он любовно сохранил старый дом Аксаковых в купленном им в 1870 году имении Абрамцево. Тут, конечно, был повод (дом помнил Гоголя), но само здание — деревянное, с полуциркульными окнами, с террасой, трогательно оформленной как портик, — находилось в очень плохом состоянии. Однако Мамонтов тщательно его отремонтировал и превратил

в настоящий «дом творчества», куда стали съезжаться лучшие русские художники — кто на выходные, кто на все лето. В Абрамцево будет написано множество важных картин, которые станут гордостью Третьяковской галереи, календарями и коробками конфет. Но не менее важным оказывается совместное творчество: художники сообща строят церковь, работают в гончарной и столярной мастерских, ставят спектакли. Да, они были тут в гостях, но не в праздности, что заставило Илью Репина про Абрамцево сказать так: «Лучшая в мире дача». И хотя в Абрамцево идут привычные сельскохозяйственные процессы, кормит хозяина уже не усадьба, а железнодорожный бизнес: Мамонтов строит дорогу на Север, соединяя Москву с Вологдой и далее с Архангельским. Именно железные дороги становятся катализатором дачного строительства, вокруг них возникают первые поселки, и именно у Северной (ныне Ярославской) дороги строит свою дачу двоюродный брат Саввы Ивановича, Александр Николаевич. Поселок так и будет зваться Мамонтовкой, в чем сохранится память об усадебной традиции. Но Мамонтов строит дачу с чистого листа. Это громадный (на сорок комнат) бревенчатый дом, украшенный резными наличниками, фронтонами, карнизами. Вполне традиционный объем превращается в настоящую сказку за счет богатых декораций, что точно характеризует «русский стиль» — стиль самых первых дач.

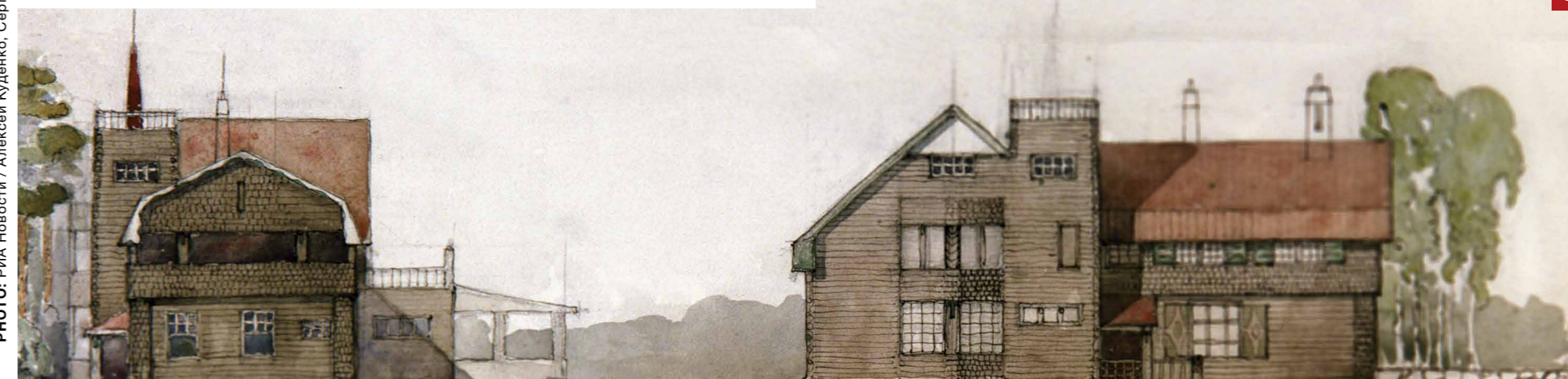
Возникнув в середине XIX века как альтернатива официальному русско-византийскому стилю (который воплощала архитектура Константина Тона и его храм Христа Спасителя), «русский стиль» был достойной компанией славянофилам, передвижникам и всяческому вообще «хождению в народ». Источником вдохновения становятся рушники и полотенца,

«ИМЕННО НОВЫЕ, РАЗВИВАЮЩИЕСЯ ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ СТАНОВЯТСЯ КАТАЛИЗАТОРОМ ДАЧНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА, ВОКРУГ НИХ ВОЗНИКАЮТ ПЕРВЫЕ ПОСЕЛКИ — МАМОНТОВКА (ЕЕ СТРОИТ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ МАМОНТОВ), ТАРАСОВКА, АБРАМЦЕВО».

PHOTO: РИА Новости / Алексей Куденко, Сергей Субботин, А. Свєрдлов; ИТАР-ТАСС; фотосозв / Александр Гринберг

1 Усадьба Петровское в Псковской области, родового имения Ганнибалов.
2 Писатель Леонид Андреев на своей даче на Черной речке, которую он в шутку называл «дача-аванс» — она была построена на авансы, который выдавали ему издатели.
3 Усадьба братьев Владимира и Иллариона Короленко в поселке Джанхот. Была построена в начале 1920-х годов по проекту самого Владимира Короленко.
4 Проект усадьбы Леонида Андреева в Райволе. Архитектор Андрей Андреевич Оля.
5 Подъездные ворота Ясной Поляны. Фотография сделана в 1920 году.

1 Печь-лежанка в Абрамцево, оформленная изразцами Михаила Врубеля.

PHOTO: РИА Новости / Дмитрий Коробейников

«ЛОПАХИН ИЗ
«ВИШНЕВОГО СА-
ДА» ТОЧНО ОПРЕ-
ДЕЛЯЕТ ГЛАВНЫЕ
СОСТАВЛЯЮЩИЕ
ДЕВЕЛОПЕРСКОГО
УСПЕХА: БЛИЗОСТЬ
К ГОРОДУ, НАЛИ-
ЧИЕ ЖЕЛЕЗНОЙ
ДОРОГИ, БОЛЬШАЯ
ТЕРРИТОРИЯ, РЕКА
КАК ОСНОВНОЕ
РАЗВЛЕЧЕНИЕ».

основным инструментом — резьба, а главным местом приложения красоты — наличник. Но главное именно в том, что меняется образец. «Барский помещичий стиль с колоннами и галереями, заимствованный у Запада, отошел в область прошлого, — вспоминала Наталья Поленова. — Для построек стали искать образцы не в помещичьей, а в крестьянской деревне». То есть классический усадебный дом символизирует прошлое и заграничное; новый загородный дом — настоящее и местное, русское.

НЕ ИЗБА

Но если для купечества, осознававшего свою историческую роль, эти ассоциации с историей важны (через присвоение всех тех атрибутов, которые ранее были привилегией дворянства), то для более широких слоев населения они на данном этапе играют роль скорее негативную, ассоциируясь с тяжелым крепостным прошлым, бедностью и бесправием. Если полистать великую русскую литературу, нетрудно заметить, что образ избы в ней довольно угрюм. «Четыре стены, до половины покрытые, как и весь потолок, сажею; пол в щелях, на вершок по крайней мере поросший грязью», — это А.Н. Радищев. «Наша ветхая лачужка и печальна и темна», — подхватывает Пушкин. Сознает странность своего удовольствия Лермонтов: «С отрадой, многим неизвестной» он видит «с резными ставнями окно». «Ветер шатает избенку убогую», — это Некрасов. «Бревна в стенах лежали криво, и казалось, что изба сию минуту развалится», — это уже Чехов. Ну и наконец, «серые» избы «нищей России» у Блока, в «избяную» которой надо «пальнуть пулей».

Поэтому дача совсем не хотела казаться избой, хотя иногда и приходилось: часто под дачи сдавались крестьянские дома или пристрой-

ки к ним. В советское время это обретет иной характер: деревня перебирается в город, избы пустеют, и их радостно продают новым дачникам. Именно так построит свою дачу на Николиной Горе известный экономист Александр Чайнов — привезя сруб из-под Рязани. (Потом его еще раз перенесут, назовут «домиком Песталоцци», и он станет летним лагерем для местных детей — что дает нам представление о его размерах).

Собственно, именно через размеры классифицирует советские дачи другой их исследователь, Ксения Аксельрод. Она рассматривает три основных типа: «дача-изба» (одноэтажная, из одного или двух срубов), «дача-дом» (полтора или два этажа), «дача-усадьба» (два или три этажа плюс пространство, четко разделенное на «парадное» и «бытовое»). Но при всем том никаких стилистических различий между тремя этими типами мы не находим: и там и там мы видим простой сруб, скатные кровли и непрямую террасу (или веранду).

Но это будет позже. А в рассказе Ивана Бунина «На даче» находим характерное уточнение: «Дом не походил на дачный; это был обыкновенный деревенский дом, небольшой, но удобный и покойный. Петр Алексеевич Примо, архитектор, занимал его уже пятое лето». Это свидетельство относится к эпохе «дачного бума» (конец XIX — начало XX века), когда на сцену вышли широкие демократические слои населения, у Максима Горького получившие свое классическое наименование: «дачники».

«ДАЧИ И ДАЧНИКИ — ЭТО ТАК ПОШЛО!»

Дачный бум начался в России, как и в Европе, в конце XIX века, когда появился новый — средний — класс. «До сих пор в деревне были

только господа и мужики, а теперь появились еще дачники. Все города, даже самые небольшие, окружены теперь дачами». Это говорит герой пьесы Чехова «Вишневый сад» Ермолай Лопухин. Он же идеально описывает экономику процесса: «Ваше имение находится только в двадцати верстах от города, возле прошла железная дорога, и если вишневый сад и землю по реке разбить на дачные участки и отдавать потом в аренду под дачи, то вы будете иметь самое малое двадцать пять тысяч в год дохода. [...] Местоположение чудесное, река глубокая».

Лопухин точно определяет главные составляющие девелоперского успеха: близость к городу, наличие железной дороги, большая территория, река как основное развлечение. Но за этой прагматикой нет ничего эстетического: какая будет архитектура дач — неважно. И действительно, массовое дачное строительство, взяв за основу небольшой каркасный или бревенчатый дом с двускатной кровлей и террасой (верандой), просуществовало в таком виде больше века.

Чаще всего такая дача строится без архитектора. Он не нужен, потому что архитектура тут в принципе не важна. Дача — это не репрезентативный дом. Как ты выглядишь (и как выглядит твой дом) — вопрос десятый. Тут ты именно что на свободе — хоть в подтяжках, хоть в подштанниках. Да, конечно, гости ожидают, но предполагается, что и они будут соблюдать негласное соглашение о неформальности всего — внешнего вида, поведения, разговоров. Общий вид дачного поселка 1880-х годов тот же Чехов в рассказе «Кулачье гнездо» описывает так: «Вокруг заброшенной барской усадьбы средней руки группируется десятка два деревянных, на живую нитку состроенных дач. На самой высокой и видной из них синее

вывеска «Трактир» и золотится на солнце нарисованный самовар. Вперемежку с красными крышами дач там и сям уныло выглядывают похилившиеся и поросшие ржавым мохом крыши барских конюшен, оранжерей и амбаров». Но архитектуры мы снова никакой не видим. Более того, обнаруживаем полнейшую ее не востребованность. «Кузьма вводит нанимателей в ветхий сарайчик с новыми окнами. Внутри сарайчик разделен перегородками на три каморки. В двух каморках стоят пустые закрома. «Нет, куда же тут жить! — заявляет тощая дама, брезгливо оглядывая мрачные стены и закрома. — Это сарай, а не дача. И смотреть нечего, Жорж... Тут, наверное, и течет, и дует. Невозможно жить!»

Те же, кто решался, обрекал себя на непривычные (но неизбежные, ибо оплаченные) страдания — как герои бунинского рассказа: «Что это вы так рано?» — спросила Наталья Борисовна. — «По грибы», — ответила профессорша. А профессор, сияясь улыбнуться, прибавил: «Дачей нужно пользоваться».

ДАЧНЫЕ ШЕДЕВРЫ

Однако в начале XX века среди этой массовой застройки регулярно встречаются отдельные шедевры — благо это время совпадает с расцветом следующего стиля, взятого дачниками на вооружение, — стиля модерн. В отличие от «русского стиля» он делает упор не на декоративное украшение привычных форм, а на объемное решение, идущее от планировок. Которые — вместе с общей дачной идеологией — становятся свободнее и раскованнее, а объем, соответственно, сложнее и живописнее. Это уже не традиционный «дом с мезонином», а скорее «теремок», развивающийся как по горизонтали, так и по вертикали. В чем есть и экономическая логика: усадебный дом мог

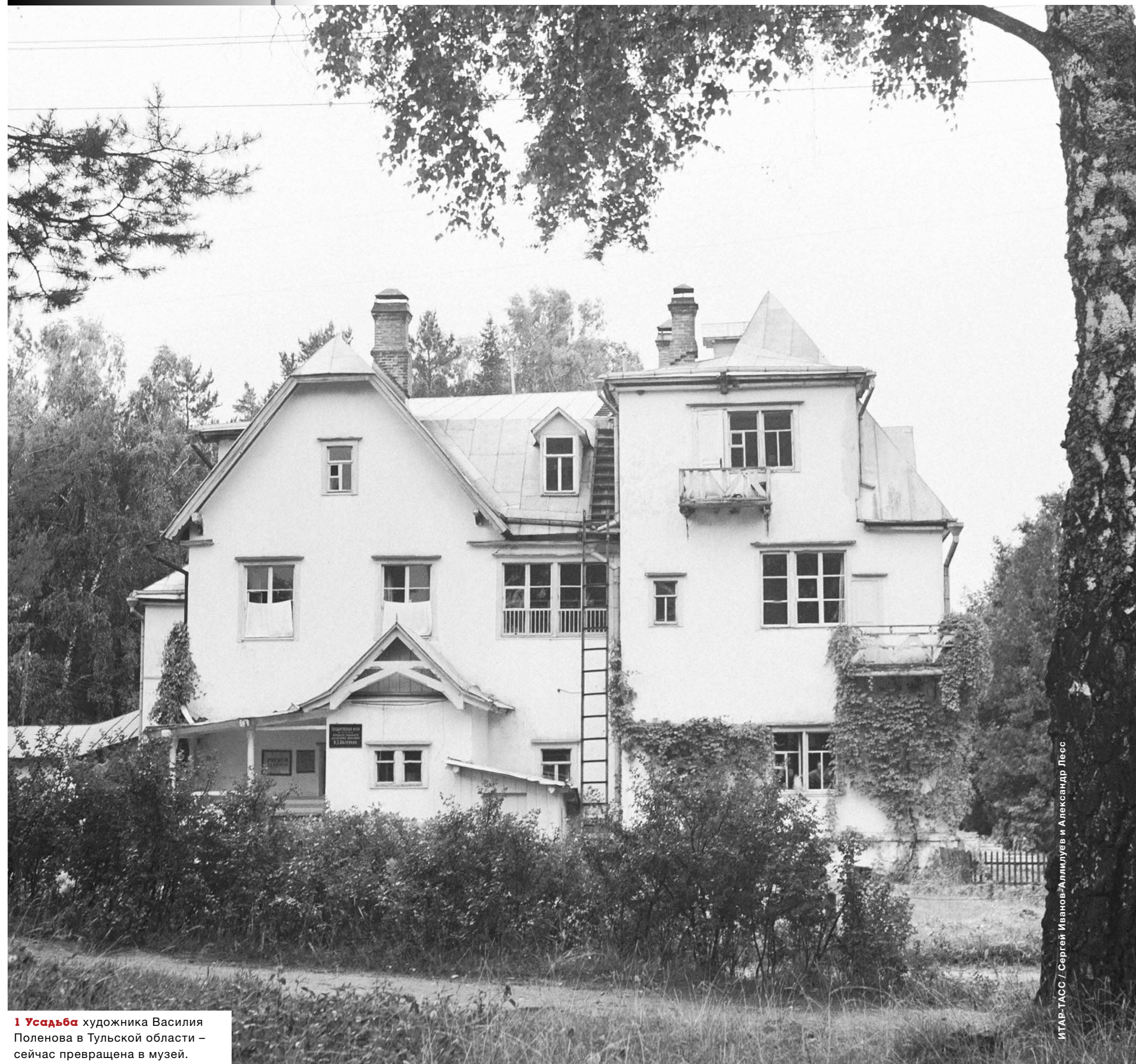
«ДАЧА МОДЕРНА ЭТО УЖЕ НЕ ТРАДИЦИОННЫЙ «ДОМ С МЕЗОНИНОМ», А СКОРЕЕ «ТЕРЕМОК», РАЗВИВАЮЩИЙСЯ КАК ПО ГОРИЗОНТАЛИ, ТАК И ПО ВЕРТИКАЛИ — ОН ВЕДЬ ДОЛЖЕН ВПИСАТЬСЯ В НЕБОЛЬШОЙ, ЧЕТКО ОПРЕДЕЛЕННЫЙ УЧАСТОК».

сколь угодно долго тянутся по своей земле, дача же должна вписаться в небольшую площадь (под застройку отводится не более 1/3 участка). При этом подмосковные дачи тяготеют к национально-романтической линии модерна, а петербургские — к скандинавской. Федор Шехтель строит в подмосковных Чоботах дачу издателя С. Я. Левенсона (1900): несколько объемов скомпонованы в живописную композицию, каждый увенчан оригинальной крышей, а окна взяты в роскошные наличники. Лев Кекушев делает дачу И. И. Некрасова в Райках (1901): громадные окна, большие выносы вальмовых кровель, изысканная пропиленная резьба. Затем для А. И. Ермакова строит дачу в Мамонтовке (1905): фирменный узор модерна в ограждениях балконов и кронштейнов, растущий уступами объем, очаровательная веранда. Сергей Вашков проектирует дачу И. А. Александренко в Клязьме (1908): роскошные полуциркульные окна, затейливая вязь резьбы, эффектный портал входа. Любопытно мутирует дача В. А. Носенкова в Ивановково (1909): сначала Леонид Веснин проектирует гигантский бревенчатый терем со скатными крышами, неорусским орнаментом и квадратной башней. Но в результате строится коттедж с деревянным вторым этажом, вальмовыми крышами и элегантными эркерами; от первоначальной идеи остается лишь круглая веранда второго этажа. Этот дом гораздо ближе петербургским дачам, где доминирует скандинавская сдержанность. На Каменном острове Роман Мельцер строит собственную дачу (1906): сложная композиция объемов напоминает о теремах, но отделка — скорее о норвежских кирках. Евгений Рокицкий делает виллу в Вырице (1903): фирменный декор модерна соседствует здесь с норвежским же драконом в коньке.

Интересно, что и дачу Андреева современники воспринимал как нерусскую: «Дача построена и отделана в стиле северного модерна, с крутой крышей, с балками под потолком, с мебелью по рисункам немецких выставок». Считает «скандинавской» свою дачу и художник Василий Поленов: знаменитый дом-мастерскую в Поленово он строит по собственному проекту, штукатурка привычный сруб в белый цвет, чем действительно достигает вполне европейского эффекта. Но если во всех этих постройках видна рука профессионала, то усадьба Ильи Репина «Пенаты» в Куоккале (1903—1913) — это как раз яркий образец того «самостроения», который определяет русскую дачу. Простенький деревянный дом постепенно обрастает пристройками, надстраивается вторым этажом, над мастерской водружается стеклянный шатер. Дом растет стихийно, свободно, а единственной его константой остаются громадные окна — чтобы не терять связи с природой.

ТЕРРАСА КАК ГЛАВНЫЙ ПРИЗНАК

Другого знаменитого обитателя петербургских дач начала века — Владимира Набокова — писательница Зинаида Шаховская уличала ровно в том, что он... «дачник». «Набоков — столичный, городской, петербургский человек, в нем нет ничего помещичьего, черноземного. ... Сияющие, сладкопевные описания его русской природы похожи на восторги дачника, а не человека, с землей кровно связанного. Пейзажи усадебные, не деревенские: парк, озеро, аллеи и грибы, сбор которых любил и дачники (бабочки — это особая статья). Но как будто Набоков никогда не знал запаха конопля, нагретой солнцем, облака мякины, летящей с гумна, дыхания земли после половодья, стука молотилки на гумне, искр, летящих под молотом кузнеца, вкуса парного молока или

1 Усадьба художника Василия Поленова в Тульской области – сейчас превращена в музей.

ИТАР-ТАСС / Сергей Иванов-Аллуев и Александр Лесс

РИА Новости / Ярин, Дмитрий Коробейников; Russian Look / Alexander Shegulykh; Фотобанк Лори / Татьяна Юри

2 Усадьба Абрамцево в конце XIX века перешла от семьи Аксаковых к известному меценату Савве Мамонтову и постепенно превратилась в центр притяжения для художников, скульпторов и актеров.

3 Рабочий кабинет Саввы Мамонтова в Абрамцево, где он проводил долгие летние вечера.

4 Обитатели и гости усадьбы Абрамцево за вечерним чаем. Вера Саввишна Мамонтова, изображенная на знаменитой картине Валентина Серова «Девочка с персиками», – вторая справа.

5 Терраса красной гостиной в усадьбе Абрамцево.

6 В парке Абрамцево, прилегающем к деревянному дому середины XVIII века, сохранились постройки в неорусском стиле.

краюхи ржаного хлеба, посыпанного солью... Все то, что знали Левины и Ростовы, все, что знали как часть самих себя Толстой, Тургенев, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Бунин, все русские дворянские и крестьянские писатели, за исключением Достоевского».

Это все справедливо. Но справедливо и другое: дача действительно возникала как совершенно новое, не имеющее аналогов явление, подчеркнуто не деревенское. И главным архитектурным элементом, отличающим дачу от избы, становится терраса. Терраса — это же для бездельников: гонять чаи да разговоры разговаривать. Понятно, что в старой архитектуре это был отнюдь не самый главный элемент. Он и появился-то много позже, чем балкон (статусная деталь в крестьянском доме) или даже веранда (застекленная пристройка, наследница сеней). Даже слова эти — терраса и веранда — часто путают, хотя из этимологии ясно, что «терраса» — это скорее «земля», чем «дом», а по сути — переходная зона между ними, элемент, объединяющий дом и окружающий ландшафт. И это промежуточное положение (вроде как в доме, а вроде как и на улице) точно характеризует идеологию «дачной жизни»: на природе, но не в огороде.

Это, собственно, и было главной идеей террасы: приблизить человека к природе, о которой он, оторванный большим городом, начинал тосковать. Знаменитый рассказ Леонида Андреева «Петька на даче» (1899), помимо своего грустного реализма, — это актуальная метафора: для горожанина, лишённого природы, ею становится дача. Но при этом это совсем не та природа, которую с утра до вечера вспахивали его предки. Это уже не пашня, а скромный огород; не лес, но сад; не завалинка, а именно терраса. Чтобы прожигать время жизни с толком, с чувством, с расстановкой.

«Приехав в Перерву и отыскав дачу Книжной, — читаем в рассказе Чехова «Из воспоминаний идеалиста»: «Я взошел, помню, на террасу и... сконфузился. Терраска была уютна, мила и восхитительна, но еще милее и (позвольте так выразиться) уютнее была молодая полная дамочка, сидевшая за столом на террасе и пившая чай. Она прищурила на меня глазки».

Именно на террасе (или веранде) происходят действия таких знаменитых «дачных» фильмов, как «Неоконченная пьеса для механического пианино» или «Утомленные солнцем». Автору их, режиссеру Никите Михалкову, дачная жизнь известна не понаслышке: дача, выданная поэту Сергею Михалкову, стала «родовым гнездом» знаменитого клана. Это тоже знаменательно: дача как бы наследует усадьбе. Но при этом смысл, лежащий в самом слове дача (дача как даваемое в дар), после революции возвращается: дача может быть как дана, так и отображена. Она становится частью того же «наказания жилищем», в какое превращается жилищная политика СССР.

Впрочем, и для тех, кто дачи мог только снимать, именно терраса/веранда остается главной приманкой дачной жизни — как для лирического героя поэта Глеба Шульпякова:

«...Итак, этим летом я жил на даче (дача была не моя, чужая — друзья разрешили пожить немного). В Москве этим летом воняло гарью — где-то в округе горел торфяник. Даже в метро голубая дымка! А тут полчаса по Казанской железной дороге — и ты на веранде сидишь, как барин. Тянешь нарзан и глядишь на солнце, которое бьется в еловых лапах».

«ГЛАВНЫМ АРХИТЕКТУРНЫМ ЭЛЕМЕНТОМ, ОТЛИЧАЮЩИМ ДАЧУ ОТ ИЗБЫ, СТАНОВИТСЯ ТЕРРАСА. ЕЕ ПРОМЕЖУТОЧНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ (ВРОДЕ КАК В ДОМЕ, А ВРОДЕ КАК И НА УЛИЦЕ) ТОЧНО ХАРАКТЕРИЗУЕТ ИДЕОЛОГИЮ «ДАЧНОЙ ЖИЗНИ»: НА ПРИРОДЕ, НО НЕ В ОГОРОДЕ».

1 Усадьба Алексеевых в Любимовке. В этом доме гостивший в семье Антон Павлович Чехов написал пьесу «Вишневый сад».
2 Главный дом усадьбы Некрасова был построен по проекту архитектора Л. Н. Кекушева в 1900-х годах.
3 Не дожившая до наших дней дача фабриканта И. А. Александренко, построенная по проекту художника С. И. Вавилова.
4 Усадьба Носенкова в Иваново. Ее построил в неоромантическом духе знаменитый архитектор Л. А. Веснин.
5 Дача А. Н. Мамонтова. Фотография из журнала «Русские предприниматели и зодчие».
6 Лодочная станция в Мамонтовке. Фотография сделана для открытки начала XX века.

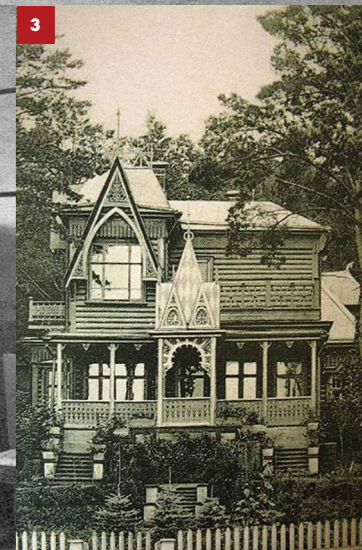
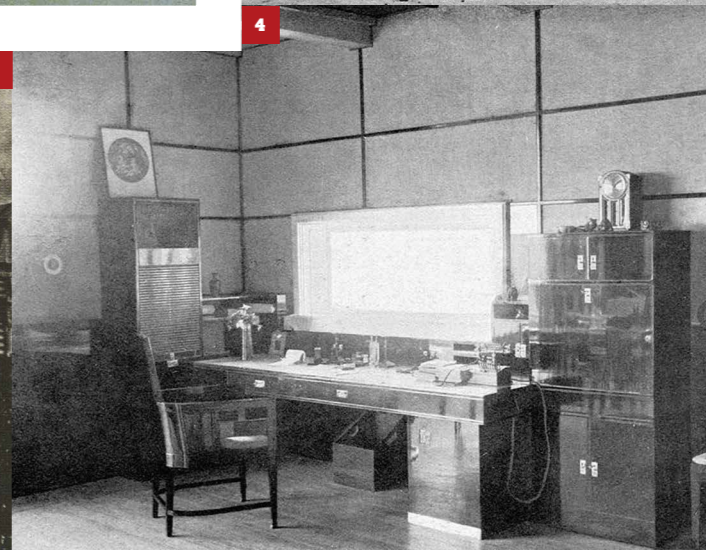

PHOTO: из личного архива Олега Бойко; <http://arch-heritage.livejournal.com/>; почтовая открытка. Ежегодник МАО: фотография из журнала «Русские предприниматели и зодчие»; М. А. Клычкова, Г. Ф. Мелентьев «Мытищи и окрестности. Мытищинская волость на рубеже XIX–XX веков».

1 **Беседка** в усадьбе художника Ильи Репина «Пенаты», названная в честь богов – хранителей очага.

PHOTO: РИА Новости / Федосеев

«УТОМЛЕННЫЕ
СОЛНЦЕМ» СНИМА-
ЛИСЬ ПОД КСТО-
ВОМ, НА ДАЧЕ
МЭРА НИЖНЕГО
НОВГОРОДА, ПО-
СТРОЕННОЙ В 1930-Е
ГОДЫ. ВПРОЧЕМ,
НАЗЫВАЕТСЯ МЕ-
СТО В ФИЛЬМЕ
ИМЕНЕМ ЛЕГЕН-
ДАРНОГО ПОДМО-
СКОВНОГО ПОСЕЛ-
КА – ЗАГОРЯНКИ.

НОВАЯ СОВЕТСКАЯ ДАЧА

Другому поэту, Валерию Брюсову, вид осенних дач внушал образ промежуточного конца века:

«Забиты досками террасы,
И взор оконных стекол слеп,
В садах разломаны прикрасы,
Лишь погреб приоткрыт, как склеп...
Я верю: в дни, когда всецело
Наш мир приветит свой конец,
Так в сон столицы опустелой
Войдет неведомый пришлец».

Впрочем, перекочевали дачи в новый быт на редкость покойно. По крайней мере, без того трагического уплотнения, которое сопровождало передел жилья в городах. Не прошло и скольких-то лет, как снова запели птицы, заискрилась бликами река, а по ней поплыл комдив Котов, глядя пятки своей дочурке. Фильм «Утомленные солнцем» снимался под Кстовом, на даче мэра Нижнего Новгорода, построенной в 1930-е годы и, по легенде, бывшей даче летчика Чкалова. Впрочем, называется место в фильме именем легендарного подмосковного поселка – Загорянки.

Интересно, что по соседству с михалковскими дачниками грохочут учения – как и в рассказе Аркадия Гайдара «Голубая чашка», написанном в Малеевке в 1935 году. На их фоне особенно остро звучит та нота чаемого безделья, которое связывается у новых дачников с жизнью за городом: «Только в конце лета я получил отпуск, – говорит герой «Голубой чашки», – и на последний теплый месяц сняли под Москвой дачу. Мы со Светланой думали ловить рыбу, купаться, собирать в лесу грибы и орехи. А пришлось сразу подметать двор, подправлять ветхие заборы, протягивать веревки, заколачивать костыли

и гвозди. Нам все это очень скоро надоело». В другой знаменитой повести Гайдара («Тимур и его команда») дачный поселок становится местом формирования новых общественных отношений: пионеры опекают семьи военных и воюют с местной шпаной. Эта же тема новой общности присутствует и в самом подходе к созданию новых поселков: они формируются по профессиональным признакам. Дачные поселения ученых, архитекторов, художников и, конечно, самое знаменитое, ставшее символом «новой дачности», – писательское Переделкино. Прославивший (или, точнее, ослабивший) его Михаил Булгаков сам рос на даче под Киевом – в поселке Буча. «Дача дала нам простор, прежде всего простор, зелень, природу, – вспоминала сестра писателя. – Роскоши никакой не было. Было все очень просто. Ребята спали на так называемых дачках (знаете, теперь раскладушки). Но роскошь была: роскошь была в природе. В зелени. Роскошь была в цветнике, который развела мать, очень любившая цветы». Ностальгия Булгакова по даче стала столь же сильным творческим импульсом, как и для Набокова – по России, вылившись в знаменитую сцену из «Мастера и Маргариты»: «А сейчас хорошо на Клязьме, – подзудила присутствующих Штурман Жорж, зная, что дачный литераторский поселок Перелыгино на Клязьме – общее больное место. – Теперь уж соловьи, наверно, поют. Мне всегда как-то лучше работается за городом, в особенности весной. [...] «Не надо, товарищи, завидовать. Дач всего двадцать две, и строится еще только семь, а нас в МАССОЛИТе три тысячи». Чтобы у знающих не закралось никакого сомнения в прототипе Перелыгино, Булгаков приводит точное число дач в подмосковном Переделкино (хотя и переносит его на Клязьму). Эти 29 дач получили в 1935 году

1

2

6

4

3

5

1 Интерьер садового домика-крошки для шести соток, который выставлялся на ВДНХ.

2 Полисадники советских дач было принято засаживать флоксами, как это сделали фотограф Анатолий Гаранин с женой Людмилой.

3 Типичные дачки 1950–1960-х годов были одноэтажными с большим, иногда жилым чердаком и имели просторную террасу.

4 Майя Плисецкая на даче неподалеку от Тракайского замка.

5 Обязательным атрибутом дачи также были хозяйственные посадки – грядки с клубникой, картошка и немного зелени.

6 Кадр из фильма «Неоконченная пьеса для механического пианино» певца дачной жизни Никиты Михалкова.

PHOTO: РИА Новости / Николай Пашин, Анатолий Гаранин, Виталий Арутюнов, В. Малышев, Давид, Шоломович, RussianLook

«АМЕРИКАНСКАЯ ПОДРУГА ХОДИЛА ВМЕСТЕ С НЕЙ ПО СТРОЙКЕ В ПЕРЕДЕЛКИНО И МОЛЧАЛА ИЗ ПРИЛИЧИЯ, НО ДИКИМ И СТРАШНЫМ КАЗАЛИСЬ ЕЙ ЦИФРЫ РУБЛЕЙ, ИСТРАЧЕННЫХ НА ПОСТРОЙКУ, И ТАКУЮ ПЛОХУЮ ПОСТРОЙКУ, КОТОРУЮ В ЕЕ СТРАНЕ НИКТО НЕ СОГЛАСИЛСЯ БЫ ВЗЯТЬ».

действительно «генералы» советской литературы: Константин Федин и Борис Пильняк, Леонид Леонов и Всеволод Иванов, Александр Фадеев и Борис Пастернак, а также драматург Всеволод Вишневский (прототип Лавровича) и поэт Владимир Киршон (прототип Бескудника) – особо яростные гонители Булгакова. При всей разности писательских стилей дачи их были типовыми, что вполне отвечало представлению о литературе как о части идеологической машины, как об «инженерии человеческих душ». Все дома строились из бруса, затем штукатурились и красились. На первом этаже – терраса, на втором – балкон. 150 метров внизу плюс 50 наверху. Отопление – печь. О качестве же домов свидетельствует писатель Александр Афиногенов, чья жена-американка разбиралась в строительстве: «Подруга ее ходила вместе с ней по стройке и молчала из приличия, но диким и страшным казались ей цифры рублей, истраченных на постройку, и такую плохую постройку, которую в ее стране никто не согласился бы взять». Но что американцу кошмар, то русскому писателю – счастье. Переделкинцам завидовал не только Булгаков, но и все последующие поколения литераторов. «Цель творчества – самоотдача // И переделкинская дача», – связывал поэт Бонифаций, перефразируя главного дачника русской литературы. Сам же Борис Пастернак свою дачу описывал так: «Это именно то, о чем можно было мечтать всю жизнь. В отношении видов, приволья, удобства, спокойствия и хозяйственности это именно то, что даже и со стороны, при наблюдении у других, настраивало поэтически. Такие, течением какой-нибудь реки растянутые по всему горизонту отлогости (в березовом лесу) с садами и деревянными домами с мезонинами в шведско-тирольском коттеджемподобном

вкусе, замеченные на закате, в путешествии, откуда-нибудь из окна вагона, заставляли надолго высовываться до пояса, заглядываясь назад на это, овеянное какой-то неземной и завидной прелестью поселенье. И вдруг жизнь так повернулась, что на ее склоне я сам погрузился в тот, виденный из большой дали, мягкий, многоговорящий колорит». Сравнение переделкинской дачи со «шведско-тирольским коттеджем» едва ли оправдано, но очевиден «нерусский» образ дома. Полукруглый нос «кораблем», сплошное его остекление – все это отдавало не только русским конструктивизмом (к тому времени уже разгромленным), но и его ближайшим предшественником – немецким «Баухаузом». А именно типовой немецкий проект и был взят за основу писательских дач.

САПОГИ ОТ ЛУЧШИХ САПОЖНИКОВ

Советские же архитекторы не могли себе позволить побираться у заграницы, поэтому свой знаменитый поселок под Истрой – НИЛ – проектировали сами. Название его также не имеет отношения к африканской реке, а расшифровывается как Наука, Искусство, Литература и подразумевает, что жили тут и ученые с писателями. Но главными были все же зодчие: Виктор Веснин, Георгий Гольц, Владимир Семенов. Правнук последнего, архитектор Николай Белоусов, рассказывает, что строился их дом «не по проекту, а как это часто бывает, «по возможностям»: «В зоне истринского затопления был куплен крестьянский дом с коровником. Простой сруб, на который уже потом нахлобучили второй этаж и все кренделя-украшения. Строили года два. Дом был летний, топился печью, внутри – дощатые стены, дощатые полы. Из удобств – комната под названием «умывальня»,

в ней деревянный ящик с дыркой известного назначения. Рядом устроили пол со щелями, на него поставили табурет. Так и мылись, сидя на табурете. Старшее поколение поливало младшее, нагрев на керосинке воду, которая просто уходила в землю через щели».

Также, купив сруб в соседней деревне, построил себе дачу Георгий Гольц — простую, с привольной террасой. Дом Вячеслава Владимировича отличало необычное треугольное окно во фронте, а дачу Григория Сенатова — купол над мастерской. Главным же украшением дома конструктивиста Виктора Веснина была остекленная полукруглая веранда, живо напоминавшая пастернаковскую.

Дачи были весьма скромными — зато архитектурно-планировочное решение поселка, которое делал Веснин, межведомственная комиссия сочла в 1936 году «интересным (нестандартным) и органически увязанным с природными условиями места, причем в проекте с чрезвычайной простотой найден образ предназначенного для отдыха поселка и отсутствует скучная, монотонная сетка прямоугольников, типичная для дачных поселков».

Собственно, именно это — вписанность в ландшафт — всегда было главным в дачном строительстве. «Архитектура поселка есть всего менее архитектура отдельных домов», — заявляет автор генерального плана поселка Сокол Николай Марковников. Поселок же этот, ставший первой попыткой соединить идею «города-сада» Эбенизера Говарда с новым социалистическим расселением, стал главным испытательным полигоном — не столько с формой, сколько с материалами. С 1925 по 1933 год здесь было возведено 114 домов (на восьми сотках каждый), причем многие из них строятся по одному и тому же проекту, но с разным конструктивом — бревенчатые, бревенчато-каркасные, каркас-

ные с засыпкой торфом, каркасные с засыпкой опилками (а также и кирпичные). Затем в течение года в них замеряли температуру и влажность, чтобы найти оптимальный вариант. Самыми авангардными (хотя и похожими на избы Севера) казались постройки братьев Весниных, дома же самого Николая Марковникова напоминали скорее английские коттеджи, местным особенностям отвечая крутыми скатами кровель — для самосброса снега. Отличная красная сосна с берегов северной реки Мологи, а также бетонные чаши-фундаменты, не дававшие стенам гнить, обеспечили домам долгий век, а поселку — бешеную популярность. Правда, строился поселок Сокол все же как место для постоянного проживания, а как «дачный» начал восприниматься во второй половине XX века, когда его потихоньку окружили большие дома, а жизнь «без удобств» перестала восприниматься как норма.

НОВЫЙ СИНОНИМ: САДОВО-ОГОРОДНЫЙ УЧАСТОК

«И можно сказать, дачник лет через двадцать размножится до необычайности. Теперь он только чай пьет на балконе, но ведь может случиться, что на своей одной десятой он займется хозяйством», — это предсказание Ермолая Лопухина сбылось далеко не сразу. Первые полвека дачник на даче предпочитал отдыхать. Но после революции деревня постепенно перемещается в город. При Хрущеве начинается движение встречное. Правда, лишь на выходящие и по возможности недалеко. «Шесть соток» — нечто среднее между «деревней» и «дачей». Культ труда легко овладел сотками именно потому, что подавляющее большинство горожан еще совсем недавно было «деревней» и не успело от земли отвыкнуть. Иностранцу уловить различие опять же таки

«**СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК НЕСМОТЯ НИ НА ЧТО К АРХИТЕКТУРЕ ВСЕ ЖЕ ТЯНУЛСЯ. И ВКЛАДЫВАЛ ТУДА ВСЮ СВОЮ ТОСКУ ПО ДИЗАЙНУ (КОТОРОГО, КАК И СЕКСА, В СССР НЕ БЫЛО), ВСЮ СВОЮ ДОМОВИТОСТЬ, ВСЕ ТВОРЧЕСКИЕ СИЛЫ, А ТАКЖЕ ВСЕ, ЧТО МОЖНО БЫЛО УНЕСТИ С РАБОТЫ.**»

сложно. Но всякий советский человек ясно понимал, что на садово-огородном участке с утра до вечера копают, сеют, полют, поливают, консервируют. Тогда как на даче валяются в гамаке, сидят на террасе, играют в бадминтон и без конца ставят самовар. Еще, конечно, и там и там купаются, собирают грибы и катаются на велосипедах, но в смысле архитектуры два этих явления четко различаются. Дача — она, как правило, старая, вся в пристройках и надстройках, с обязательной террасой или верандой. А садово-огородный участок — это те самые 0,06 га, где стоит какая-нибудь хибарка, в которой можно только спать, потому что с утра пораньше надо выползать на участок и работать, работать, работать. Интересно, что эту оппозицию сформулировал все тот же Чехов. Придумав своей пьесе название «Вишневый сад», он долго не мог понять, что в нем не так. И вдруг его озарило: «Не «Вишневый», а «вишнЕвЫй!» «Вишневый сад» — это деловой, коммерческий сад, приносящий доход. [...] Но «вишневый сад» дохода не приносит [...] растет и цветет для прихоти, для глаз избалованных эстетов». Больших доходов садово-огородный участок, конечно, не принесил, но обеспечить семью на зиму собственными витаминами вполне мог. Учитывая же, что произносить это кондовое словосочетание было хлопотно, садово-огородные участки все равно именуют «дачами». Что дает новым дачникам мироощущение, хоть как-то приближающее их к утраченной России, а исследователям приносит новые методологические страдания.

САМОДЕЛЬНОЕ, КОЛЛЕКТИВНОЕ, ВРЕМЕННОЕ

Большей частью послевоенные советские дачи строятся или по типовым проектам, или вовсе без архитектора. Это понятно: дачи

манифестируют приватность человеческого существования, что не в чести у новой власти. Поэтому смотрит она на них неодобрительно, но старается не замечать. Однако и отрывать профессионалов от дела коммунистического строительства тоже не позволяет. Поэтому все превращается в тот полуофициальный, полуправильный бизнес, которым вскоре будет жить половина страны. Загородный дом в советской стране имел статус не просто второго дома, но дома другого, альтернативного городскому. Именно поэтому было не слишком важно, как выглядит твоя дача. Главной на даче остается природа. «Наш ковер — цветочная поляна, наши стены — сосны-великаны, — пели «Бременские музыканты» стихи Юрия Энтина. — Нам дворцов заманчивые своды не заменят никогда свободы».

Впрочем, если сказать, что советский человек не испытывал никакой потребности в архитектуре, то это будет неправдой. Конечно испытывал. И вкладывал туда всю свою тоску по дизайну (которого, как и секса, в СССР не было), всю свою домовитость, все творческие силы, а также все, что можно было унести с работы. Какими шедеврами наполнились подмосковные дачи! Рукомойник из бутылки, лопата из кофты, «походная кухня», собранная из самовара и тачки, — самые блистательные «вынужденные вещи» художник Владимир Архипов собрал в специальный музей: Народный музей самодельной вещи.

Ровно то же самое было и с архитектурой, которая вся была такой же «вынужденной» — за отсутствием на рынке как товаров, так и материалов. И как отсутствие полноценной реальной жизни сделало Россию самой читающей страной, так и отсутствие предметного мира сделало ее страной изобретателей и домашних

мастеров. Никакое другое хобби (ни марки, ни футбол, ни выжигание) не позволяло русскому человеку так полно самовыразиться. Это было уникальное по разнообразию и оригинальности явление, равного которому не знала ни одна другая страна. В нем была настоящая поэзия случайности, сюрреалистичности, самобытности. Своего рода памятник этому народному творчеству построит уже в 2009 году молодой архитектор Петр Костелов. Простой по форме дом в деревне Алексино обшит кучей деревянных заплаток. Используются практически все популярные способы отделки. Традиционные: доска внахлест или просто доска. Современные: вагонка, имитация бруса, блокхаус. Экзотические: отделка круглыми черенками от лопат и брусками разного сечения... «Прообраз решения, — комментирует автор, — взят с фасадов частных домов советского периода. По известным причинам индивидуальное строительство не было развито. А те, кто все-таки ухитрился построить дом, точнее дачу, использовали для этого самые разные материалы, практически все, что можно было тогда найти. В результате дом состоял из фрагментов, лоскутков и заплат, отражающих возможности его владельца в конкретный период времени строительства».

«А НА ДАЧЕ ВСЕ ИНАЧЕ»

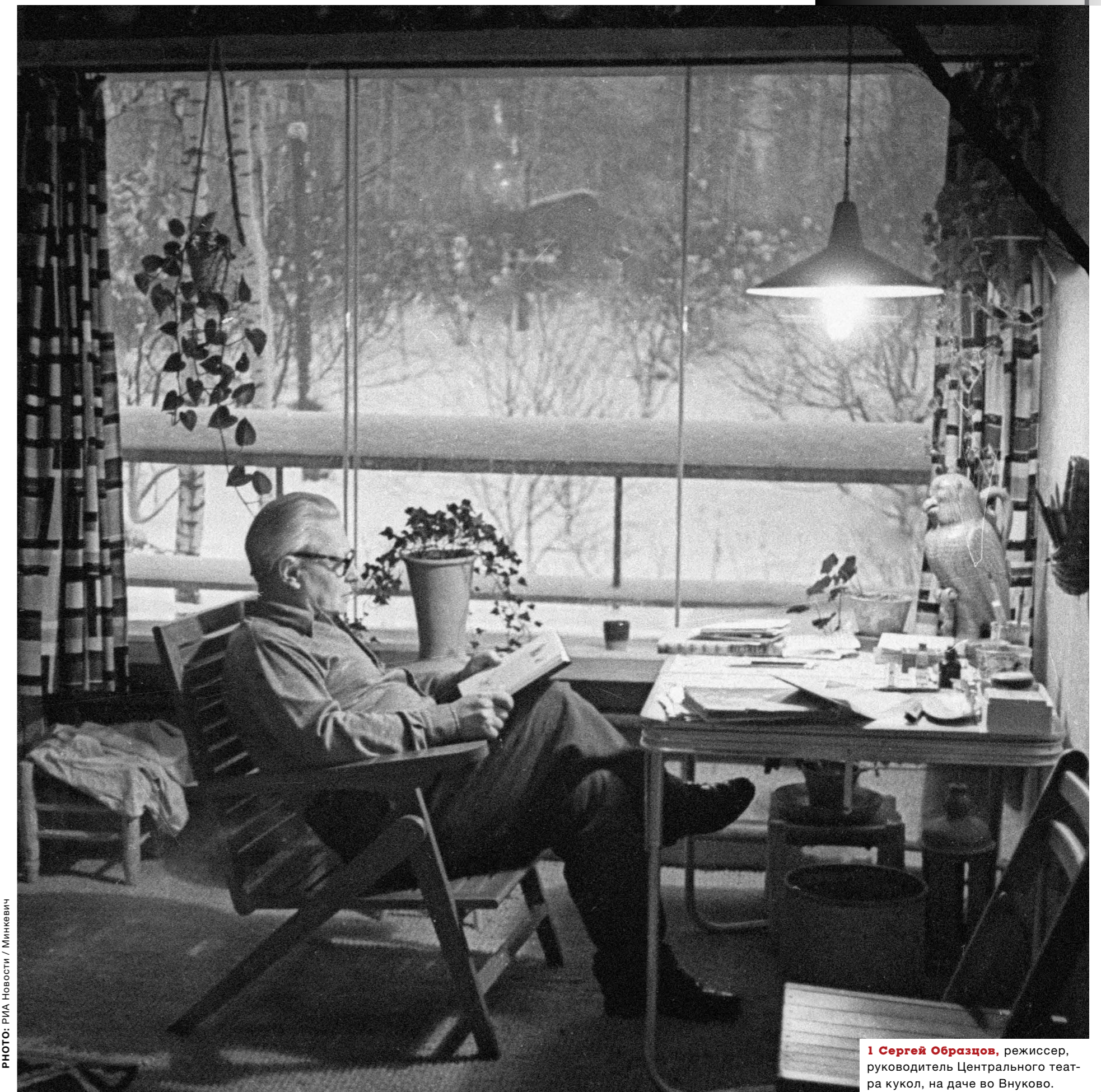
Описанные еще сто лет назад Борисом Зайцевым приметы «дачного стиля» переключаются в середине XX века в город и станут главными чертами московских интеллигентских кухонь, на которых в клубах дыма и «под селедочку, под водочку» будут вестись разговоры о самом главном. То есть русская дача начала XX века в каком-то смысле формирует советскую кухню его середины.

Для интеллигенции дача была той же кухней, но открытой в природу, дарящей иллюзию единения с географией и историей. А для более широких слоев населения дачный участок был символом свободы не духовной, а материальной: тут можно было вырастить картошку. Оба этих значения благополучно объединились — интеллигенция картошку тоже ела. Но если кухня действительно объединяла — как трапезой, так и разговором, — то главный смысл дачи в советское время ровно противоположный: она про обособление. Про ту частную жизнь, которой наш человек был практически лишен. «Наш» — в смысле «советский», тот, который на такси в булочную не ездит. И только за городом это было возможно: свой дом, свой сад и огород, почти настоящая частная собственность и настоящая частная жизнь. К концу советского времени дачи были у сорока процентов населения страны. Это громадная цифра и, по сути, такой же феномен расселения, как и само слово. Архитектурную ценность имело совсем небольшое количество дач. Тем более что еще одной особенностью, формировавшей «новую историческую общность» — дачников, было коллективное творчество. Каждая вечерняя прогулка по поселку превращалась в череду подглядываний и подсматриваний, сопровождавшихся порой и заходом в гости (причем часто и к незнакомым соседям). И все подсмотренное тут же адаптировалось к собственному участку. Не все, конечно, были столь коммуникабельны. Белла Ахмадулина так и не решилась зайти на дачу в гости к Борису Пастернаку:

«Мне доводилось около бывать, но я чужда привычке современной налаживать контакт несоразмерный, в знакомстве быть и имя называть.

«ДРУГОЙ ОСОБЕННОСТЬЮ АРХИТЕКТУРЫ МОЖНО СЧИТАТЬ ЕЕ ОСОЗНАННУЮ ВРЕМЕННОСТЬ. ДАЧУ НИКТО НЕ СТРОИЛ «НА ВЕКА». ОНА МОГЛА МЕНЯТЬСЯ, ЛОМАТЬСЯ, ЧИНИТЬСЯ — ВСЕ ЭТО КАК НЕЛЬЗЯ ЛУЧШЕ ОТРАЖАЛО ДУХ НЕПРОЧНОСТИ, КОТОРЫМ БЫЛО ПРОНИКНУТО ЧАСТНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ В СССР».

PHOTO: РИА Новости / Минкевич

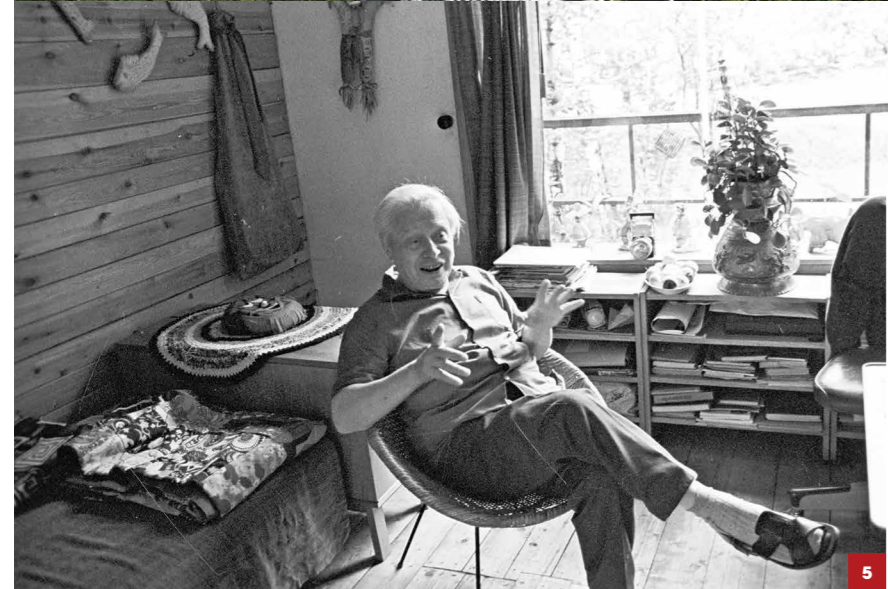
1 Сергей Образцов, режиссер, руководитель Центрального театра кукол, на даче во Внуково.

1

2 **На садовом участке** администратора одного из московских учреждений Елены Рамбо. Фотография Андрея Соломонова 1990-х годов.
 3 **Летчик-космонавт** Валерий Быковский с женой Валентиной на даче. Фотография 1980-х.
 4 **На этюдах** в дачном поселке, Переделкино. Фотография Бориса Кауфмана 1970-х годов.
 5 **Железнодорожная платформа** Мамонтовка. Дореволюционная фотография неизвестного фотографа 1900-х годов.
 6 **Сергей Образцов** на даче во Внуково. Фотография Сергея Соловьева 1950-х годов.

5
4

3

«СЕГОДНЯ СНОВА, КАК И В СЕРЕДИНЕ ВЕКА ДЕВЯТНАДЦАТОГО, СЛОЖНО ПРОВЕСТИ ГРАНЬ — ГДЕ КОНЧАЕТСЯ «ДАЧА» И НАЧИНАЕТСЯ «ЗАГОРОДНЫЙ ДОМ ДЛЯ КРУГЛОГОДИЧНОГО ПРОЖИВАНИЯ. ЭТОГО УЖЕ НЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ НИ РАЗМЕР ДОМА, НИ МАТЕРИАЛЫ, ИЗ КОТОРЫХ ОН ПОСТРОЕН, НИ ЕГО АРХИТЕКТУРНЫЙ СТИЛЬ».

По вечерам мне выпадала честь смотреть на дом и обращать молитву на дом, на палисадник, на малину — то имя я не смела произнести».

«Бабы раньше копали картошку, вроде сейчас поунылись немножко. Стало нас, мужиков, им жалко, можно поспать и сходить на рыбалку».

Другой особенностью той архитектуры можно считать ее осознанную временность. Дачу никто не строил «на века». Она могла меняться, ломаться, чиниться — все это как нельзя лучше отражало тот дух непрочности, которым было проникнуто вообще частное существование в СССР. Кроме того, с дачами могли случаться разнообразные неприятности... Я помню, как сгорела наша старая дача в Загорянке. Мне было четыре года, страшно не было — было очень красиво. Стрелял шифер. Быстро построили новую, и как трагедия это не воспринималось — было обыденным явлением. Хотя мне было страшно жаль поскрипывавшей лестницы и веранды с фирменной расстекловкой.

НОВЫЕ ВРЕМЕНА: ВОЗВРАЩЕНИЕ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

С началом новых времен меняется понятие дачи — и снова по причинам экономическим. Изначально дача — второй дом, поэтому она у тех, кто может себе это позволить, или съемная. Потом она становится предметом роскоши: квартира, машина, дача — триада советского богатства, лучший спутник жениха. А в 2000-е дача начинает спорить с городской квартирой за статус дома первого: тут природа, воздух, виды и вообще — «экология» (это слово дети теперь употребляют как синоним слова «природа»). В дачном доме (утепленном по новым стандартам) можно жить уже не только летом — что многие и предпочитают делать. Рынок нормализуется, появляются продукты, можно слегка расслабиться, на дачах уже снова отдыхают, о чем поет Шнур:

Сегодня снова, как и в середине века девятнадцатого, сложно провести грань — где кончается «дача» и начинается «загородный дом для круглогодичного проживания». Этого уже не определяют ни размер, ни материалы: дача может быть очень большой, а современные технологии дают возможность и деревянному дому быть теплым и надежным. Впрочем, назвать каменный дом «дачей» язык все же не поворачивается. Да и зачем. Тогда как дома деревянные память о своей «дачной» составляющей хранят весьма разнообразно. Это уже не только веранда и балкон, но и окна от пола до потолка, которые «приближают» к природе так, как не могла этого сделать старая архитектура, — как, например, в доме Александра Бродского в Пирогове, в домике Николая Белоусова в деревне Совьяки или в доме Светланы Бедняковой в поселке Московское Море. Сама же веранда может растекаться по дому и в конце концов обхватывать его весь, превращая здание в «приложение» к веранде — как в «Доме у 9-й лунки» Ярослава Ковальчука в Пирогово или в собственном домике Тимофея и Дмитрия Долгих. В доме Антона Табакова на Николиной Горе (архитектор — Николай Белоусов) веранда продолжается лоджией, а затем помостом, переходящим в деревянный пляж над прудом. А в пироговском же коттедже Евгения Асса терраса невелика по размерам, но при этом занимает одну четверть общей площади — и в сочетании с одноэтажностью дома становится главным его содержанием. Дерево же, прорастающее сквозь пол террасы, превращает все сооружение

PHOTO: РИА Новости / А. Соломонов, Борис Кауфман, С. Соловьев; Открытка начала XX века

1 Дачный дом в поселке Сокол, построенный по проекту архитектора Николая Морковникова.

PHOTO: РИА Новости / Анатолий Лыков

PHOTO: ИТАР-ТАСС / Фотоimedia / Евгения Казаарновская; РИА Новости / В. Лозовский; Карл Булла

2

3

4

2 Интерьер столовой в усадьбе Поленово на берегу Оки в окрестностях Тарусы.
3 Рабочий стол Ильи Ефимовича Репина в усадьбе Пенаты.
4 Федор Шаляпин позирует Репину в Пенатах.

не просто в манифест единения с природой, но в намек на то, что все на ней держится и вокруг нее вертится.

Другим вариантом создания дачной естественности и органичности становится живописная компоновка объемов — в духе того самого советского «самостроя», когда новые пристройки лепились к дому неожиданно и непринужденно. Так спонтанно зиждется дачка в Новосибирской области, которую Андрей Чернов строит для друга, тоже архитектора; сбиваются в кучку кубики загородного дома в Знаменском (архитекторы Игорь и Нина Шашковы, Светлана Беднякова).

И конечно, размер имеет значение: «дачками» хочется назвать застройку Завидкина мыса в Пирогово (хотя она имеет куда более продвинутое название: «домики яхтсменов»). Или дома-«светлячки» и дома-«скворечники» Тотана Кузембаева, или «ДубльДом» Ивана Овчинникова — который не только мал (хотя и с верандой), но и дешев. Впрочем, модульность, заложенная в основе этих проектов, все же мешает считать их дачей, для которой так важна персонализированность. И в этом смысле на эту роль куда лучше подходит Volgadacha Бориса Бернаскони — простой дом, крашенный в черный цвет, где вместо террас — неогражденные «палубы».

Или, наоборот, белоснежный дом в Лапино Сергея и Анастасии Колчиных, закономерно получивший в 2014 году премию ARCHWOOD, чем в некотором смысле проложил дорогу актуальному тренду — новой дачности.

ГРУСТЬ КАК НЕИЗБЕЖНОЕ

При очевидной временности дач неизбежна ностальгия по этой уходящей натуре. Причем она присутствует всегда — что в начале прошлого века, что в начале нынешнего. И, видимо, яв-

ляется обязательной частью дачной культуры. Впрочем, если раньше менялась лишь архитектура, то сегодня меняются и основополагающие принципы этой культуры.

Дачи огораживаются высоченными глухим заборами, и та дачная жизнь, которая определялась именно сообществом, тает на глазах. Здесь уже мало где ставят спектакли и поют песни — дай бог, если играют в волейбол. «Прогуляться до станции» — какой-то оксюморон, потому что и станция превратилась в сплошной рынок стройматериалов, и прогулка по пыльной тропинке в мареве несущихся плотным потоком машин уже мало похожа на ту прогулку из детства. Можно, конечно, пойти не по Пушкинской, а по Комсомольской... (Дачные товарищества, кстати, заметно меньше нервничали по поводу изменений политического курса, поэтому здесь и сегодня можно гулять по улицам Карла Либкнехта и Розы Люксембург, Дзержинского и Менжинского).

Уходят старые очаровательные домики. На их месте растут громадные безвкусные коттеджи — назвать их «дачами» ни у кого и язык-то не повернется. «А между тем, в России была создана своеобразная дачная культура. Исследовать ее необходимо», — сказал академик Лихачев и умер, так и не сформулировав, в чем особенность этого феномена. А Корней Иванович Чуковский сочинил такую притчу: В недалеком будущем мимо его дачи идут два студента. Один говорит: «Здесь жил Маршак». — «Не Маршак, а Чуковский», — поправляет его другой. — «Да какая разница!» — беспечно отвечает первый.

Действительно, какая разница, на что похожа или не похожа дача. Главное, чтоб она была. И была не Канатчикова.

Николай Малинин

«ПРИ ОЧЕВИДНОЙ ВРЕМЕННОСТИ ДАЧ, НЕИЗБЕЖНА НОСТАЛЬГИЯ ПО ЭТОЙ УХОДЯЩЕЙ НАТУРЕ. ПРИЧЕМ ОНА ПРИСУТСТВУЕТ ВСЕГДА — ЧТО В НАЧАЛЕ ПРОШЛОГО ВЕКА, ЧТО В НАЧАЛЕ НЫНЕШНЕГО. И, ВИДИМО, ЯВЛЯЕТСЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ЧАСТЬЮ ДАЧНОЙ КУЛЬТУРЫ.»

PHOTO: РИА Новости / Н. Максимов

1 Библиотека художника
в усадьбе Поленово, окрестности
Тарусы. Дом 1892 года постройки.